

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 53—66
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 53—66
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5

МОНОРОДИТЕЛЬСКИЕ СЕМЬИ: ИХ ТИПЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ОДИНОКОГО РОДИТЕЛЯ

Г. Л. Воронин^{a, b}, А. Л. Янак^b

^a Институт социологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия,
voroningl@mail.ru

^b Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Развитие феномена монородительства провоцируется и сопровождается многообразием тенденций и социальных практик. Среди значимых свойств, одновременно выступающих факторами дифференциации монородительских семей, выделены: генезис и структура монородительских семей, количество и возраст детей, доходы, тип жилья, уровень образования одиноких родителей, уровень социального самочувствия семей. Использование результатов Всероссийской переписи населения 2010 г., Микропереписи населения 2015 г. и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE за 1994—2016 гг.) позволило систематизировать и интерпретировать динамические показатели, проанализировать основные характеристики монородительских семей, выявить социальный портрет одинокого родителя.

Ключевые слова: монородительская семья, материнская семья, отцовская семья, материальное благосостояние, социальное самочувствие, социальный портрет одинокого родителя.

SINGLE-PARENT FAMILIES: THEIR TYPES AND SOCIAL PORTRAIT OF THE LONE PARENT

G. L. Voronin^{a, b}, A. L. Ianak^b

^a Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, voroningl@mail.ru

^b Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The development of the phenomenon of single-parenthood is provoked and accompanied by a variety of trends and social practices. The authors point out the following factors of single-parent families differentiation: the genesis and structure of single-parent families, the number and age of children, income, type of housing, the level of education of lone parents, the level of social well-being of families. The use of the Russia Population Census — 2010 results, the Population Microcensus — 2015 and the Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE 1994—2016) allow to systematize and interpret dynamics, analyze the main characteristics of single-parent families, a social portrait of a lone parent.

Key words: single-parent family, single-mother family, single-father family, material well-being, social well-being, social portrait of lone parent.

Введение в проблематику

Современный этап развития института семьи характеризуется плюрализмом супружеских и родительских практик, предполагающим одновременное существование традиционных моделей семейно-брачных отношений и интеграцию их альтернативных форм [Клецин, 1994; Голод, 1996; Гурко, 2008]. К последним относится монородительская семья, которая рассматривается как результат трансформации семейной структуры с двумя родителями, с одной стороны, и реализации стратегии осознанного монородительства — с другой; как самодостаточная семейная единица или промежуточный между структурными изменениями этап жизненного цикла семьи (например, между расторжением брака и заключением повторного).

Монородительская семья является распространенным типом семейных отношений. По официальным данным 2010 г., в монородительских семьях проживали 13,2 млн человек (24,1 % от общего числа семейных ячеек). Доля неполных семей с детьми до 18 лет составила 13,9 % от общего числа семейных ячеек [Всероссийская перепись... , 2010]. Итоги Микропереписи населения 2015 г. фиксируют стабильность показателя на уровне 13 % [Микроперепись... , 2015].

Несколько иначе выглядят результаты ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 2016 г. [Российский мониторинг... , 2016]. С учетом 95 % доверительного интервала, доля монородительских семей составила в 2016 г. 4,9—6,3 % от общего числа домохозяйств. Расхождения объясняются различиями в трактовках понятия

«монородительская семья». С точки зрения организаторов мониторинга и нашей, монородительская семья — это семья, состоящая из одного взрослого (мать или отец) и детей, а Росстатом под семейной ячейкой понимается супружеская пара с детьми, или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми. Семейная ячейка может составлять самостоятельное домохозяйство или входить в состав домохозяйства, где имеются другие родственники или не родственники (например, бабушка, племянник, няня). Речь идет о расширенном толковании понятия.

Материнские и отцовские семьи

Монородительские семьи представлены двумя основными типами: материнские и отцовские. По итогам Всероссийской переписи населения — 2010, доля материнских семей с несовершеннолетними детьми составила 28,9 % от числа семейных ячеек с детьми до 18 лет, отцовских семей — 3,7 % (в 2015 г. — 27,4 и 3,2 % соответственно).

По данным Микрпереписи-2015, в соотношении монородительских семей доминируют материнские семьи — 89,6 %. Различным аспектам жизнедеятельности материнских семей посвящены работы Л. Г. Луняковой [Лунякова, 2001], И. Ф. Дементьевой [Дементьева, 2001], Е. А. Цыглаковой [Цыглакова, 2005], Л. К. Рашитовой [Рашитова, 2011], Е. В. Чуриловой [Чурилова, 2015].

В течение последних десятилетий доля отцовских семей в целом выросла (согласно результатам переписи 1989 г., она составляла лишь 1 % от общего числа семей). Факторы распространения отцовского монородительства таковы: нестабильность семьи и трансформация семейных ценностей; уменьшение родительской ролевой асимметрии вследствие ломки традиционного гендерного порядка; развитие отцовства как родительского субинститута, подтвержденное появлением «новой» маскулинности и альтернативных моделей отцовского поведения, ростом отцовских движений. Динамика отцовских семей вызывает исследовательский интерес к их специфике, проблемам, адаптационным и оптимизирующим их повседневность механизмам [Шевченко, 2014; Егорова, Янак, 2014; Михайлова, 2014; Кириллова, Петрова, 2014; Ермилова, 2016]. Однако малочисленность категории и недостаток литературы по теме приводят к распространенной, но, возможно, поспешной оценке одиноких отцов как некомпетентных, «бесперспективных» родителей [Стасенко, 2010; Михайлова, 2014].

Причины образования монородительских семей

Наряду с овдовением одними из главных источников возникновения монородительских семей являются развод и распад фактических союзов с детьми. В постсоветской России сохраняется высокий уровень разводимости. По данным Микрпереписи-2015, разводы составили 52,7 % от общего количества зарегистрированных браков. После разделения пары дети чаще остаются с матерью. Однако постепенно распространяются практики добровольного отказа женщин от родительства после разрыва супружеских отношений, судебные прецеденты установления места жительства детей после развода в пользу отцов. Если два десятилетия назад доля подобных случаев едва достигала 2—3 %, то сегодня

этот показатель составляет 10—12 % [Кузнецова, 2015]. Усиление родительской мотивации отцов коренится как в проблеме девиантного поведения матерей, так и в актуализации субъектности самих отцов. Очевидно, наряду с нерезидентным («воскресным») отцовством и безотцовщиной развиваются аналогичные феномены в субинституте материнства.

Внебрачное рождение как одна из традиционных причин образования материнских семей сегодня тоже перестает быть исключительно женской прерогативой в связи с применением одинокими мужчинами технологии суррогатного материнства. Пока это исключительные случаи, но они служат индикатором институциональных изменений в структуре родительства.

Монородительские семьи могут также возникнуть в результате лишения одного из родителей родительских прав, частных случаев длительно раздельных браков по профессиональным или образовательным причинам.

Родственная структура

По данным Микрорепериси-2015, 29,6 % монородительских семей являются расширенными. Они имеют особую специфику: родственники не просто делят кров с монородителями, но и, как правило, включаются в формирование семейного бюджета, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, воспитание и контроль, организацию досуга. Целесообразность использования статуса «монородительская семья» можно поставить под сомнение, поскольку в данном случае родственники могут полностью восполнять функции второго родителя.

Количество и возраст детей

Наличие несовершеннолетних детей предполагает комплекс ежедневных потребностей и обязанность родителей обеспечить необходимый минимум для их удовлетворения. Так формируется иждивенческая нагрузка, требующая материальных, бытовых, психологических, социальных, педагогических капиталовложений. Структура потребностей и соответствующих затрат может конкретизироваться в зависимости от возраста детей. Логично выделять группы детей дошкольного и школьного возрастов.

По результатам RLMS-HSE — 2016, в монородительских семьях воспитывается 20,2 % от общего количества лиц моложе 18 лет, из них 6,1 % — дети до 7 лет и 14,1 % — дети от 7 до 17 лет.

По данным Микрорепериси-2015, большинство монородительских семей с детьми до 18 лет являются однодетными: 74,3 % материнских и 80,6 % отцовских семей. Доля многодетных семей с одним родителем составляет от 3,2 % (отцы с детьми) до 4,8 % (матери с детьми).

Отмечается, что отсутствие второго субъекта семейной экономики служит индикатором материальной уязвимости семьи, повышая «риск ее попадания в низкодоходные группы населения», снижения качества жизни семьи. Многие неполные семьи приобретают характеристики «зависимых от пособий» [Дементьева, 2001]. Особое внимание обращается на экономические риски и социальную незащищенность материнских семей [Безрукова, 2007; Чурилова, 2015] в контексте феминизации бедности [Овчарова, 2003].

Многодетность может спровоцировать или усугубить трудности не только материальные, но и жилищные, хозяйственно-бытовые (в семьях одиноких отцов, испытывающих нехватку соответствующих навыков или времени в связи с избыточной занятостью [Хусяинов, Янак, 2016]), психологические (недостаток общения, взаимной поддержки, недовольство старших детей из-за необходимости ухода за младшими сиблингами), воспитательные (поддержание родительского авторитета, доверия), проблему баланса семьи и работы. Специфику проблем могут предопределить: возраст и здоровье монородителя, его профессиональные траектории, социальное и материальное положение, качество межпоколенных связей, состояние образовательной инфраструктуры, вовлеченность второго родителя.

Между тем двухдетность и многодетность могут, напротив, служить факторами оптимизации семейного быта и внутрисемейного взаимодействия, обусловливающими перераспределение домашних обязанностей, помощь старших детей в заботе о младших, консолидацию интересов. Кроме того, не стоит пренебрегать взрослыми детьми как полноправными субъектами рынка труда, способными внести вклад в семейный бюджет, выполнять защитную, представительскую семейную функции.

Пол детей является важным критерием классификации семей, так как служит индикатором проблемы полоролевой социализации детей. В неполных семьях преобладают девочки (около 70 %). Отсутствие примера демонстрации поведенческих особенностей со стороны второго родителя исключает возможность их имитации и деформирует становление гендерной идентичности ребенка. Это может повлиять на тактики создания собственной семьи.

Структура доходов

Данные RLMS-HSE подтверждают справедливость соображений, что отсутствие второго кормильца угрожает финансовому благополучию семьи: среднедушевые доходы в монородительских семьях на 14—15 % ниже, чем в семьях с двумя родителями.

Более детальной картину делает расчет медианного показателя уровня среднедушевого дохода. В 2016 г. он находился в промежутке от 10 433 до 12 000 руб. в месяц. При этом 31,0 % монородительских семей имели доход ниже величины прожиточного минимума на душу населения, который в целом по России составлял 9691 руб.

Анализ децильных групп монородительских семей показал наличие значительного расслоения по уровню среднедушевого дохода (RLMS-HSE — 2016). Среднедушевой доход первой децильной группы составил 2336 руб. в месяц, десятой — 35 627 руб. в месяц.

Основным источником пополнения семейного бюджета в большинстве российских семей является профессиональная занятость трудоспособных членов семьи. Доля совокупного дохода полной семьи от заработной платы составляла 77,6 %, в монородительских семьях — 59,7 %.

Структура доходов монородительских семей разнообразна и подвижна. Несмотря на отсутствие программ по повышению статуса и уровня благосостояния монородительских семей, государство предоставляет отдельные возможности

для улучшения их материального положения. В 2016 г. государственные трансфертные платежи составляли 24,5 % бюджета монородительских семей, или в среднем 8351 руб. в месяц (табл. 1). Возможность пользоваться социальными преференциями для одиноких родителей (матери-одиночки) порой становится мотивом, детерминирующим развод или отказ от регистрации брака в сожительствующих парах.

Таблица 1

Динамика изменения структуры доходов монородительских домохозяйств из различных источников с 2010 по 2016 г. в ценах 2016 г., %

Источник дохода	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Работа на государственных предприятиях	29,2	28,0	29,4	30,7	28,0	22,5	23,4
Работа на частных предприятиях	23,4	24,6	24,9	25,4	29,7	33,7	27,7
Зарплата (общая)	55,6	55,5	55,6	57,5	59,9	57,4	53,4
Государственные трансферты (пенсии, пособия, стипендии)	22,5	24,1	23,6	22,8	23,6	22,8	24,5
Неформальный сектор	3,7	3,0	4,1	2,7	2,2	2,7	3,8
Продажа сельскохозяйственной продукции	3,0	1,8	1,2	1,4	1,2	0,9	0,6
Помощь родственников и благотворительная помощь	13,7	14,1	14,7	14,9	12,4	15,3	16,7

Немаловажную роль в материальном благополучии монородительской семьи играет помощь родственников и благотворительная помощь (13—16 %).

Место проживания и тип жилья

По результатам Всероссийской переписи населения — 2010, 75,1 % семей проживает в городских населенных пунктах. Согласно результатам RLMS-HSE — 2016, около 41,0 % семей проживали в областном центре, 28,0 % — в городе, в поселке городского типа — 8,0 %, в селе — 23,0 %.

Отдельные квартиры занимают 76,0 % семей, отдельный дом (его часть) — 24,0 %, жилплощадь в общежитии — 3 %. Большинство монородительских семей (87,1%) обеспечены собственным жильем. Величина общей площади жилого помещения на одного человека составляет 17,2 м² (11,2 м² жилой площади). В 2016 г. в съемном жилье проживала примерно каждая десятая монородительская семья. Между тем доля монородительских семей, проживающих в съемном

жилье, за период с 1994 по 2016 г. увеличилась почти в 2 раза. Актуализация жилищных проблем монородительских семей, связанная с отсутствием/потерей жилья и вынужденной арендой помещения, — следствие роста числа семей, возникающих в результате разрушения структуры с двумя родителями, когда вместо одного домохозяйства образуется два и более, нуждающихся в отдельном жилье.

По результатам исследования постразводных семей на примере Ивановской и Нижегородской областей [Ермилова, 2016], разведенные отцы-монородители способны обеспечить более комфортные жилищные условия своим детям (при отсутствии собственного жилья альтернативным вариантом служит отдельное съемное жилье, а не общежитие, как у некоторых разведенных матерей).

Образование монородителей

По данным RLMS-HSE — 2016, в монородительских семьях 22,8 % взрослых имеют высшее образование, тогда как в полных семьях данный показатель существенно выше — 33,3 % (рис. 1). Возможно, низким уровнем образования объясняется неудачный опыт создания семьи монородителями. Так, в группе монородителей 15,0—16,0 % никогда не состояли в браке, доля разведенных составляет около 38,0 %, а вдовым является каждый четвертый монородитель.

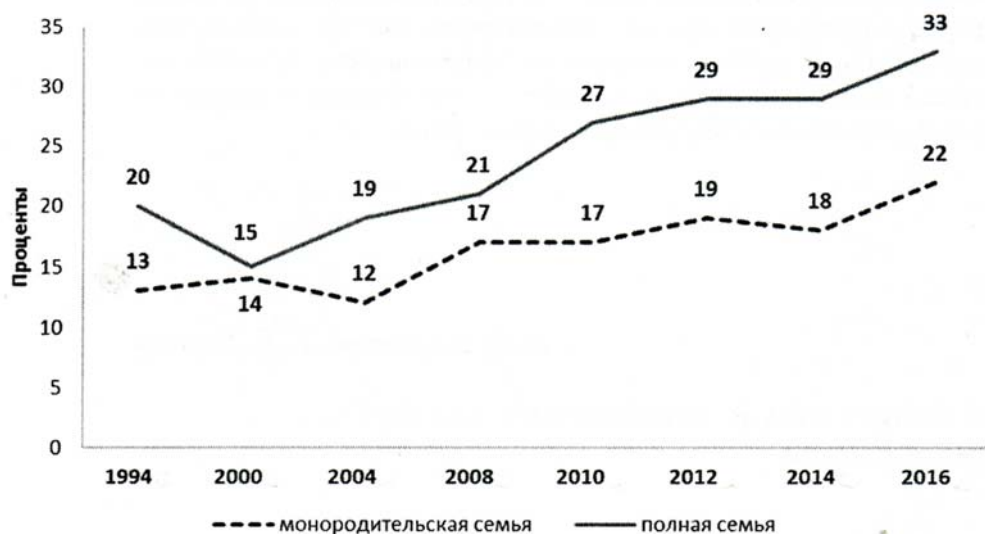

Рис. 1. Динамика изменения доли родителей из полных и монородительских семей, имеющих высшее образование, % (по данным RLMS-HSE за 1994—2016 гг.)

Социальное самочувствие монородителей

Согласно RLMS-HSE — 2016, 39,6 % монородителей заявляют об удовлетворенности жизнью. В целом одинокие родители дают сдержанный/пессимистический прогноз на ближайшее будущее: 26,1 % монородителей

считают, что будут жить хуже, чем сейчас, 51,5 % — считают, что ничего не изменится, и лишь 22,3 % — настроены позитивно. Показатели негативных оценок жизненных перспектив в 2015—2016 гг. стали самыми высокими за последние полтора десятилетия.

Рис. 2. Доля родителей из монородительских и полных семей, уверенных, что в ближайшие 12 месяцев их семья будет жить «намного лучше» и «немного лучше», %
(по данным RLMS-HSE за 1994—2016 гг.)

Наблюдаемая динамика (рис. 2) позволяет фиксировать прямую связь между социальным самочувствием граждан и характером мировых и национальных социально-экономических и социально-политических процессов. При этом монородительские семьи, более подверженные внутренним и внешним угрозам, реагируют на изменения болезненнее, судя по глубине падения оценочных показателей, чем семьи с двумя родителями.

Социальный портрет монородителя

На основе линейной комбинации социально-демографических характеристик предпримем попытку выделить те, которые определяют семейную принадлежность индивидов. Анализ проводился на материале данных RLMS-HSE 2010—2014 гг.* Фиксируется устойчивость базовых характеристик, влияющих на принадлежность к монородительской или полной семье. К их числу на основе анализа коэффициентов стандартизованной канонической дискриминантной функции отнесем следующие переменные: пол, возраст, образование, индивидуальный доход, продолжительность рабочего дня и тип населенного пункта (табл. 2).

* Данные 2015 и 2016 гг. делают картину распознавания образа монородителя нечеткой. Полагаем, что размытость показателей обусловлена ухудшением экономической ситуации в стране (изменения на рынке труда, уровня заработной платы, соотношения доходов и расходов и пр.).

Таблица 2

Коэффициенты стандартизованной канонической дискриминантной функции

Переменная	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Пол	0,998	0,956	0,960	0,960	1,032
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,234	0,145	0,138	0,162	0,308
Продолжительность рабочего дня	0,104	–	–	–	0,210
Образование	–0,301	–0,300	–0,295	–0,284	–0,319
Возраст	0,414	0,446	0,446	0,426	0,320
Тип населенного пункта	–0,123	–0,162	–0,148	–0,103	–

В ходе анализа была получена формула линейной комбинации характеристик прогноза вероятности принадлежности взрослого к монородительской или полной семье (табл. 3).

Таблица 3

**Принадлежность к монородительской или полной семье
на основе дискриминантного анализа индивидуальных характеристик**

Предиктор	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Коэффициент канонической дискриминантной функции</i>					
Пол (1÷2, мужчины, женщины)	2,1336618	2,0517842	2,0678021	2,0375107	2,1770852
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,0000112	0,0000069	0,0000040	0,0000039	0,0000120
Продолжительность рабочего дня	0,0277174	–	–	–	0,0541162
Образование (1÷4, неполное среднее, общее среднее, среднее специальное, высшее)	–0,2985556	–0,2935147	–0,2667106	–0,2813045	–0,3138772
Возраст	0,0528250	0,0551494	0,0562307	0,0538747	0,0410217
Тип населенного пункта	–0,1040027	–0,1397499	–0,1281329	–0,0898732	–
Константа	–4,6271081	–4,2007524	–4,3491916	–4,2193228	–4,8190358
<i>Коэффициент функции в центроидах групп</i>					
Монородительская семья	0,873	0,881	0,888	0,803	0,830
Полная семья	–0,205	–0,209	–0,208	–0,183	–0,172
Граница разделения	0,334	0,336	0,340	0,310	0,329
Процент исходных сгруппированных наблюдений, класси- фицированных правильно	65,9	64,5	63,9	62,8	66,1

Показатель точности прогноза составил 62,8—66,1 %, что подтверждает высокую эффективность модели прогнозирования результатов.

Интерпретируем результаты 2014 г.:

$$\text{Тип семьи} = 2,1770852 \times \text{Пол} + 0,0000120 \times \text{Доход} + 0,0541162 \times \\ \times \text{Рабочий день} - 0,3138772 \times \text{Образование} + 0,0410217 \times \text{Возраст} - 4,8190358.$$

Данные позволяют представить социальный портрет монородителя. Это женщина старше 37 лет, имеющая среднее специальное образование и ниже, доход более 27 000 руб. (на 2014 г.), проживающая в городе или областном центре. В 2010 и в 2014 гг. к не менее значимым характеристикам отнесена средняя продолжительность рабочего дня — 10 часов и более. Видно, что более высокий уровень образования женщины, при сохранении остальных показателей, способствует устойчивому развитию семьи.

Проверим результаты через коэффициенты функции классификации (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты расчета составляющих социального портрета родителя
в разных типах семьи**

Параметр	Тип семьи		Социально-демографическая характеристика	Тип семьи	
	Монородительская	Полная		Монородительская	Полная
Пол	10,346	8,165	Женщина (2)	20,69272	16,32918
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,0000463	0,0000343	25000 руб.	1,157544	0,858033
Продолжительность рабочего дня	0,934	0,880	8 ч	7,472319	7,038459
Образование (среднее, 2)	1,976	2,291	2	3,952251	4,581355
Возраст	0,648	0,607	30 лет	19,43236	18,19906
Константа	-30,726	-25,567	-25,567	-30,726	-25,567
Линейная дискриминантная функция Фишера				$\sum 21,9809 > \sum 21,43929$	

Результаты расчета линейной дискриминантной функции Фишера полностью совпадают с данными расчета с применением коэффициентов канонической дискриминантной функции. Показатели при расчете линейного уравнения для монородительских семей превышают показатели расчета линейного уравнения для полных семей. В данном случае это говорит о том, что женщины в возрасте 30 лет со средним образованием, имеющие доход 25 000 руб. и работающие полный рабочий день, с большей долей вероятности будут принадлежать к монородительской, чем к полной семье.

Заключение

Распространение монородительских семей является результатом актуальных общемировых тенденций и трансформаций в семейной сфере. В широком смысле рост подобных практик может оцениваться как демонстрация модернизационного потенциала института семьи. С другой стороны, исследования по проблеме помогают выявить негативные факторы и последствия монородительства:

— социально-экономическую уязвимость семей как в связи с отсутствием второго (или основного) кормильца, так и в связи с недостаточно высокими доходами женщин, которые чаще стоят во главе монородительских семей;

— пополнение низкодоходных или бедных слоев населения, активно пользующихся социальными трансфертами и помощью родственников;

— препятствие успешной социализации детей, лишенных паттерна поведения одного из родителей (проблема переноса родительского опыта семейных отношений на семейно-брачные траектории детей из неполных семей дает повод задуматься о тенденциозной преемственности монородительских практик);

— снижение уровня удовлетворенности жизнью, уверенности в будущем, которые являются интегральными показателями, напрямую зависящими от различных социально-экономических и социально-культурных характеристик, ресурсности, успешности семьи, а также внешних макроэкономических и макрополитических процессов;

— корреляцию уровня образования женщин с их семейной принадлежностью (чем ниже уровень, тем вероятнее монородительство).

Высокая представленность монородительских семей в семейной номенклатуре российского общества означает рост удельного веса потенциальных рисков для института семьи, представляя собой кризисное явление. При этом тревогу вызывает как увеличение доли отцовских семей, указывающих на девиацию материнства, так и материнских семей, олицетворяющих собою монородительство в целом.

Библиографический список

- Безрукова О. Н.* Одинокие матери: проблемы жизни в мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Политология. Международные отношения. 2007. № 4. С. 71—82.
- Всероссийская перепись населения 2010 г. / Росстат. 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.06.2017).
- Голод С. И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 99—108.
- Гурко Т. А.* Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 324 с.
- Дементьева И. Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 108—113.
- Егорова Н. Ю., Янак А. Л.* Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 42—46.

- Ермилова А. В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 69—79.
- Кириллова О. С., Петрова Л. Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 128—136.
- Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодалные) семьи: формы и содержание // Рубеж. 1994. № 5. С. 166—179.
- Кузнецова О. В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Сер.: Право. Вып. 43. С. 89—94.
- Луныкова Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 86—95.
- Микроперепись населения 2015 г. / Росстат. 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 13.06.2017).
- Михайлова А. И. Монородительские (отцовские) семьи: социолого-управленческий аспект: дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2014. 169 с.
- Овчарова Л. Н. Показатели уровня и качества жизни в зеркале гендерных различий // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/564/692/1219/015.OVCHAROVA.pdf> (дата обращения: 21.08.2016).
- Рашитова Л. К. Городская монородительская материнская семья: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. 26 с.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2016. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 03.10.2017).
- Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 78—82.
- Хусяинов Т. М., Янак А. Л. Постановка проблемы неполной и избыточной занятости одиноких родителей в контексте баланса семьи и работы: (на примере монородительских отцовских семей в России) // Социодинамика. 2016. № 1. С. 75—91.
- Цыглакова Е. А. Социальный статус монородительской семьи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 32 с.
- Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78—81.
- Шевченко И. О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 163—172.

References

- Bezrukova, O. N. (2007) *Odinokie materi: problemy zhizni v megapolise* [Single mothers: problems of living in the city], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriia 6, Politologiya, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 4, pp. 71—82.
- Churilova, E. V. (2015) *Sostav i blagosostoianie nepolnykh semei v Rossii* [Structure and well-being of single-parent families in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 78—81.
- Dement'eva, I. F. (2001) *Negativnye faktory vospitaniia detei v nepolnoi sem'e* [Negative factors of education of children in the single-parent family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 108—113.

- Egorova, N. Iu., Ianak, A. L. (2014) Ottsovskaja sem'ia kak novyĭ klient sotsial'noĭ raboty [Single father family as a new client of social work], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, serija Sotsial'nye nauki, no. 2 (34), pp. 42—46.
- Ermilova, A. V. (2016) Zhizn' posle razvoda roditel'ej v vospriatii detej: sotsiologičeskij analiz [The perception of children's life after the divorce: a sociological analysis], *Zhenshchina v rossijskom obščestve*, no. 1 (78), pp. 69—79.
- Golod, S. I. (1996) Sovremennaja sem'ia: pluralizm modelej [Modern family: pluralism of models], *Sotsiologičeskij žurnal*, no. 3—4, pp. 99—108.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Khusiainov, T. M., Ianak, A. L. (2016) Postanovka problemy nepolnoj i izbytočnoj zaniatosti odinokikh roditel'ej v kontekste balansa sem'i i raboty: (Na primere monoroditel'skikh ottsovskikh semej v Rossii) [Formulation of the problem of underemployment and overemployment of lone parents in the context of the balance of the family and work: (On the example of the single-father families in Russia)], *Sotsiodinamika*, no. 1, pp. 75—91.
- Kirillova, O. S., Petrova, L. E. (2014) Sotsial'nye praktiki odinokikh ottsov: analiz na osnove kachestvennykh interv'iu [Social practices of single fathers: analysis based on qualitative interviews], *Vestnik Permskogo universiteta*, serija Filosofija, Psikhologija, Sotsiologija, no. 3 (19), pp. 128—136.
- Kletsin, A. A. (1994) Vnebrachnye i al'ternativnye (nemodal'nye) sem'i: formy i sodержание [Extramarital and alternative (non-modal) families: forms and content], *Rubezh*, no. 5, pp. 166—179.
- Kuznetsova, O. V. (2015) Zashchita prav ottsov po semeĭnomu zakonodatel'stvu [It is sewn up the rights of fathers by the family legislation], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17 (372), serija Pravo, no. 43, pp. 89—94.
- Luniakova, L. G. (2001) O sovremennom urovne zhizni semej odinokikh materej [About the modern standard of living of lone mothers families], *Sotsiologičeskie issledovaniia*, no. 8, pp. 86—95.
- Mikhaĭlova, A. I. (2014) *Monoroditel'skie (ottsovskie) sem'i: sotsiologo-upravlenčeskij aspekt*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Single-parent (lone-father) family: aspect of sociology of management: Diss. (Cand. Sc.)], Chita.
- Mikroperepis' naseleniia 2015 g.* (2015) [Population Microcensus — 2015], available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed 13.06.2017).
- Ovcharova, L. N. (2003) Pokazateli urovnia i kachestva zhizni v zerkale gendernykh razlichij [Indicators of the level and quality of life in the mirror of gender differences], in: Zaslavskaja, T. I. (ed.), *Kuda prishla Rossiia? Itogi sotsietal'noj transformatsii* [Where did Russia come? Results of societal transformation], Moscow: MVShSEN, available from <http://ecsocman.hse.ru/data/564/692/1219/015.OVCHAROVA.pdf> (accessed 21.03.2017).
- Rashitova, L. K. (2011) *Gorodskaja monoroditel'skaja materinskaja sem'ia*: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Urban lone mother family: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Ufa.
- Rossiiskij monitoring ekonomičeskogo položenii i zdorov'ia naseleniia NIU VShĖ (RLMS-HSE)* (2016) [Russian longitudinal monitoring survey — HSE (RLMS-HSE)], available from <http://www.hse.ru/rlms> (accessed 03.03.2017).
- Shevchenko, I. O. (2014) Odinokie ottsy v Rossii: povsednevnye praktiki i problemy [Single fathers in Russia: everyday practices and challenges], *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, serija Filosofija. Sotsiologija. Iskusstvovedenie, no. 4 (126), pp. 163—172.

- Stasenko, O. V. (2010) *Odinokoe otsovstvo v sovremennom obshchestve: prichiny vozniknoveniia i osnovnye problemy* [Lone fathers in modern society: causes and main problems], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—82.
- Tsyglakova, E. A. (2005) *Sotsial'nyi status monoroditel'skoĭ sem'i: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [The social status of single-parent family: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.
- Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 g.* (2010) [Russia Population Census — 2010], available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 13.06.2017).

Статья поступила 05.05.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин Геннадий Леонидович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voroning1@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Янак Алина Леонидовна — аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, alinayanak91@yandex.ru (Postgraduate student at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).